

— Хорошо, — решив, что Сюэ Сянь молча согласился, Сюань Минь убрал золотую жемчужину обратно в потайной карман у пояса. Она слегка давила на кость, но зато не потеряется.

Сюэ Сянь тут же поник, опустил голову и совсем потерял интерес к происходящему. Не то чтобы он всерьёз боялся, что Сюань Минь присвоит его жемчужину, просто своё истинное тело он потерял больше полугода назад, и теперь, едва найдя, не хотел с ним расставаться.

Пока он так шелестел, Сюань Минь наконец заметил его странную позу — тот уже который момент сидел, прикрыв лапой рот, и не менял положение. Сюань Минь на мгновение замер, понял причину столь смиренного поведения этого негодяя, молча вздохнул и обратился к маленькому вору:

— Жаровня есть?

Хотя малыш был достаточно смел, чтобы отнять золотую жемчужину у Сюэ Сяня, он всё же оставался ребёнком, и после того, как Сюань Минь его проучил, струхнул. На вопрос пришлось ответить. Неохотно бросив косой взгляд, вор юркнул в единственную пригодную для сна комнату во дворе. Послышались глухие стуки, и вскоре он выволоч оттуда помятый медный таз, с грохотом швырнув его перед Сюань Минем.

— Благодарю, — невозмутимо ответил Сюань Минь.

В сухом углу под навесом лежали две вязанки хвороста. По сравнению с обычными домашними запасами эти дрова были слишком тощими, ветвистыми и кривыми — явно не лучшего качества. Сюань Минь наломал несколько сухих прутьев, поджёг их лучиной и бросил в жаровню. Сухие ветки разгорались не спеша, но в конце концов огонь вспыхнул, и в этом курятнике стало теплее.

Малыш сначала упрямо игнорировал Сюань Миня, однако вскоре, поддавшись теплу, молча пододвинулся к жаровне и украдкой потёр руки.

Сюэ Сяня и Цзян Шинина Сюань Минь повесил на ветку цветущего куста — достаточно близко к жаровне, чтобы согреться, но не настолько, чтобы пламя могло их опалить.

Огонь помогал справиться с промокшей бумажной оболочкой. Сюэ Сянь чувствовал, как постепенно сохнет.

Вися на ветке, он увидел, как Сюань Минь достал из другого потайного кармана сложенный листок тонкой бумаги. С его ракурса было видно, что на бумаге много записей — некоторые шли сплошными строками, другие были отдельными словами, а кое-где попадались... рисунки?

Сюань Минь бегло взглянул на листок, снова сложил его и убрал.

— Ты из семьи Лу? — спросил он у малыша лет восьми-девяти.

Сюэ Сянь и малыш одновременно насторожились.

Малыш настороженно посмотрел на него:

— А тебе что?

— Значит, так и есть, — по его реакции Сюань Минь всё понял. — У тебя есть слепой старший брат?

Малыш из семьи Лу покраснел и взорвался:

— Кто ты такой?! Зачем тебе Лу... зачем он тебе?!

Сюэ Сянь с удивлением посмотрел на Сюань Миня. «Так этот лысый монах не только за мной пришёл, но и кого-то ищет? Какое совпадение!»

Пока он размышлял, вода, впитавшаяся в лапы и рот, почти высохла, и лапа наконец отлипла ото рта, больше не мешая говорить.

— А где Лу Шицзю? — не выдержав, Сюэ Сянь обратился к малышу. — Мне нужно кое-что у него одолжить, чтобы найти человека.

Он уже бывал здесь дважды и был немного знаком с братьями Лу, хотя знал о них лишь в общих чертах. Например, что их родители и старшие родственники давно умерли — причина неизвестна. Он слышал, что один из братьев, обладая врождённым даром к искусству инь-ян, ослеп, а другой из-за травмы оглох на одно ухо. Они жили вместе несколько лет, но близости между ними не было. Из-за отсутствия старших и своей семьи у них даже не было настоящих имён, только прозвища, данные по дню рождения. Старшего звали Лу Шицзю, а этого восьми-девятилетнего — Лу Няньци.

Лу Няньци, несмотря на юный возраст, не был наивным ребёнком. Услышав слова Сюэ Сяня, он сказал:

— Я тебя знаю, слышал твой голос. Ты раньше приходил к Шицзю.

Живя с Лу Шицзю, он привык к разным сверхъестественным вещам, поэтому, увидев говорящую бумажную оболочку, не растерялся, что было довольно впечатляюще.

— Бывал здесь дважды, но впервые удостоился такого приёма, — Сюэ Сянь, вспомнив тот ушат воды, не смог сдержать усмешки. — Ладно, хватит отвлекаться. Где Лу Шицзю? Куда он ушёл, когда вернётся? И зачем ты вообще чужое воруеть?

Но едва он закончил, как из глаз Лу Няньци неожиданно покатались крупные слёзы:

— Я его ищу, уже больше двух недель. Он... он в реке.

Сюэ Сянь: «...»

Что значит «в реке»?

Лу Няньци вытер слёзы и снова стал упрямым. Он сжал край одежды, не глядя на Сюань Миня и Сюэ Сяня, уставился на слабеющее пламя в жаровне и мрачно сказал:

— Примерно две недели назад Лу Шицзю сказал мне, что отправляется на остров Могильный Холм в центре реки...

Река, омывающая уезд Волун, была относительно мелкой и узкой по сравнению с верховьями и низовьями, а в центре её разбросаны небольшие островки. Большинство из них были крошечными — даже курятник, в котором жили братья Лу, показался бы на них тесным. Эти островки поросли длинной белой травой и обычно служили пристанищем для водоплавающих птиц.

Лишь один из них был чуть больше и мог с натяжкой считаться островом.

Издавек он выглядел как зелёный холм, покрытый диким лесом, и напоминал могильный курган. Поэтому местные называли его «Остров Булочка» или «Остров Могильный Холм».

Обычные люди не любили ходить на остров Могильный Холм — там, кроме дикой травы и кустарников, ничего не было, место было пустынным и мрачным. Только травники из окрестных деревень иногда наведывались туда, ведь почва там была плодородной и влажной, и росло много лекарственных растений.

Лу Шицзю бывал там несколько раз.

Около двух недель назад рано утром Лу Няньци проснулся и увидел на краю кровати записку. Лу Шицзю не умел пользоваться кистью и всегда писал, макая палец в чернила, поэтому его почерк был легко узнаваем. На записке было всего несколько кривых слов: «Иду на остров Могильный Холм».

Как замечали окружающие, братья Лу не были близки. Лу Няньци был колючим и упрямым, Лу Шицзю — странным и молчаливым, так что оставить записку и уйти было для него привычным делом.

Поэтому Лу Няньци не придавал этому значения, лишь раздражённо разжёг огонь, приготовил еду и пошёл собирать хворост, выполняя свои обычные дела и ожидая возвращения Лу Шицзю.

Но к вечеру, когда пошёл дождь, Лу Шицзю так и не вернулся.

— Я пошёл к пристани, и лодочники сказали, что из-за сильного дождя они не плывут в центр реки. Ещё сказали, что Лу Шицзю сел на лодку старика Лю, а старик Лю тоже не вернулся — скорее всего, из-за дождя они остались там, — Лу Няньци, несмотря на юный возраст, говорил ясно. — Я видел в центре реки огонёк на лодке, подумал, что они укрываются от дождя, и вернулся. Но...

Но дождь шёл три дня, и вода в реке поднялась. Лу Няньци каждый день ходил к пристани, чтобы проверить, горит ли огонёк на лодке, и беспокойно ждал, пока дождь кончится. Он взял несколько медных монет, нанял лодку и отправился на остров Могильный Холм, но не нашёл там ни Лу Шицзю, ни старика Лю.

— Я обошёл почти весь остров, но не нашёл его, хотя однажды услышал его голос, — сказал Лу Няньци. — Но когда я позвал его, голос исчез.

Так Лу Няньци шесть или семь раз ходил на остров Могильный Холм, но так и не нашёл Лу Шицзю. Недавно возле острова появились водовороты, и две лодки перевернулись, поэтому лодочники больше не хотели туда плыть, как бы Лу Няньци ни настаивал.

Что ещё хуже, в последние дни Лу Няньци часто слышал стук в дверь рано утром и поздно ночью. Первые два раза он думал, что это Лу Шицзю вернулся, и спешил открыть, но за дверью никого не было. Вернувшись в дом, он замечал, что сундук тронут.

— Там было четыре связки монет, которые мы копили, — всё пропало! Ни монетки не осталось! На что мне теперь нанимать лодку? — вспоминая это, Лу Няньци закипел, как взъерошенный пёс.